



СВЕТАЩЕЕСЯ ПЯТНО



Глава 1

В четыре часа дня восьмого января Доринда Браун переступила порог клуба «Вереск», даже не подозревая, что делает первый шаг навстречу событиям самым необычайным. Расскажи ей кто об этом, она лишь рассмеялась бы в ответ. Она вообще легко смеялась — сошурившись, запрокинув голову и демонстрируя два ряда великолепных белоснежных зубов. Джастин Лей как-то заметил, что, когда она смеется от души, можно пересчитать ее зубы. Многие обиделись бы, а Доринда расхохоталась и сказала: «Считай на здоровье! Все пока на месте».

«Вереск» только именовался клубом. На деле же являлся гостиницей (довольно захудалой) или же «отдельными номерами» (дешево и безвкусно отделанными). Название придумала хозяйка заведения — мисс Доналдсон, она же украсила тесную и темную прихожую вазой с шотландским вереском, что с гордостью считала проявлением одновременно и патриотизма, и хорошего вкуса. Впрочем, «отдельные номера» сказано было довольно громко, поскольку особой отделенности друг от друга клуб «Вереск» постояльцам не предоставлял. Некогда один из самых больших особняков в округе ныне утратил былое величие — его просторные комнаты разгородили, словно порезали добрый шмат мяса на тоненькие дольки, и получились отсеки, в которых едва помещалась кровать. В некоторых отсеках было окно — одно на двоих, а в остальных имелись лишь щели для

вентиляции, через которые не проникал свежий воздух в жару, зато продувало до костей в холода. Доринда жила в отсеке со щелью.

В прихожей Доринде повстречалась мисс Дональдсон — высокая, худошавая и суровая на вид шотландка. Суровость была напускной. Люди робели только сперва, а потом быстро понимали: за чопорной манерой, прилизанной прической и нахмуренными бровями скрывается добрая и простодушная женщина, которая честно зарабатывает на кусок хлеба и больше ни о чем не мечтает.

— Мисс Дональдсон! — воскликнула Доринда. — Меня взяли!

— В то самое место?

Хоть Ефимия Дональдсон жила в Лондоне уже двадцать лет, ее шотландский акцент ни капли не смягчился.

Доринда кивнула:

— Да, туда!

— И это не в Шотландии?

Доринда отрицательно покачала головой.

— Хорошо бы в Шотландии... там родственники...

Доринда снова покачала головой.

— У меня никого.

— Странно, — разочарованно протянула мисс Дональдсон, — в вашем-то возрасте! Даже у меня осталось тридцать пять родных, если считать четвероюродных и пятиюродных. А я перебралась на юг уже больше двадцати лет назад.

Звук «р» в ее речи был раскатистым, словно барабанная дробь.

— Ну, про пятиюродных я не подумала, — рассмеялась Доринда.

— Это потому, что ваша мать англичанка... Кстати, мистер Лей, который вам звонит, — с материнской стороны родственник?

— Не совсем родственник... Очень дальний. Седьмая вода на киселе — в лучшем случае.

Мисс Дональдсон ответила типично шотландским хмыканьем, которое способно выразить все что угодно. В данном случае — что мисс Доналдсон понимает, что Доринда имеет в виду, и категорически не одобряет ход ее мыслей. В добавок к хмыканью она произнесла, раскатисто рыча на «р»:

— Родня есть родня, нравятся они тебе или нет. В беде кто еще поможет?

Мисс Доналдсон удовлетворенно замолчала, и Доринда, улыбнувшись широкой лучезарной улыбкой, пошла своей дорогой.

— Мне нужно позвонить, — сказала она.

Мисс Доналдсон снова хмыкнула и удалилась в унылую каморку, которую именовала «кабинетом».

Доринда юркнула в телефонную будку и прикрыла за собой дверь. Будка была единственным местом в доме, где тебя никто не подслушивал. Жители отсеков слышали каждый шорох соседей в пределах четырех стен некогда просторной комнаты. В прихожей, в коридорах, в столовой и в гостиной: повсюду хватало чутких ушей. У некоторых пожилых соседок вообще не было иной радости в жизни. Они целыми днями шпионили, а вечером садились плотным рядом у камина и обменивались информацией. Например, когда ты принимал ванну, они по звуку определяли, сколько набрано воды, чтобы покрыть позором наглого расточителя. Джудит Крейн, например, принимала по две ванны в день — вот уж ее костерили самым безжалостным образом; на свое счастье, она быстро съехала.

А телефонная будка действительно была со звукоизоляцией. Смотрелось забавно — люди беззвучно открывали рот за стеклом, будто аквариумные рыбки, зато внутри ты чувствовал себя полностью защищенным от мира. Однако не был одинок — стоило только покрутить волшебный диск, чтобы пригласить в свой мирок кого угодно — в пределах разумного, конечно.

Доринда покрутила диск, вложила монетку в отверстие и стала ждать. Со стороны она представляла собой весьма приятную картину. Не так уж часто встречаются радостные лица — все больше усталые, нахмуренные, сердитые и раздраженные. А Доринда почти всегда была довольна. Она умудрялась улыбаться даже у зубного врача несмотря на то, что втайне трепетала перед таинственным сверлильным устройством, притаившимся в засаде у кресла. Она шла по жизни улыбаясь — иногда назло неприятностям, хотя чаще естественно и непринужденно, — и глаза ее при этом тоже смеялись.

Они блестели и отдавали золотом, особенно когда Доринда была довольна или расположена к собеседнику. Волосы у нее были золотисто-каштановые и очень густые. Джастин Лей однажды назвал их цвет ореховым. И снисходительно пояснил, что имеет в виду не сам орех, а отполированное ореховое дерево. Доринда, которой на тот момент было лет десять, отправилась в гостиную и долго стояла перед письменным столом, пытаясь понять — комплимент это или нет. Для сравнения она приложила косичку к поверхности. Да, цвет определенно тот. А если волосы тщательно расчесать, они тоже блестели, как полированная столешница. С тех пор она всегда тщательно расчесывалась. Однако ходить с косой ей все равно не нравилось, потому что у всех одноклассниц были короткие стрижки. Доринда как-то взяла ножницы тети Мэри и отстригла косу — со свойственной ей решительностью и не теряя хорошего настроения. Далее последовала бурная семейная сцена, в ходе которой Доринда сохраняла улыбку на лице и полное спокойствие в сердце — косу ведь обратно не приделаешь. Щеки у Доринды были румяные, с ямочками, губы яркие даже без помады, всегда готовые широко улыбнуться. Рост у нее был пять футов пять дюймов

(в обуви), а фигура приятная — с формами, но без лишнего веса.

В трубке шелкнуло, и голос Джастина Лея произнес:

— Ал-лоу!

Он всегда отвечал на звонки в небрежно-аристократическом тоне.

— Слушай... — начала Доринда, начисто пренебрегая правилами хорошего тона.

— А поздороваться? — спросил Джастин.

— Привет. Так вот — меня взяли!

— Да? Неужели?..

Тон у Джастина был скучающий, однако Доринда ни за что бы не поверила, что кто-то действительно способен скучать, когда она сама воодушевлена и счастлива. Она начала торопливый и подробный рассказ.

— Я увидела объявление. Одна девушка мне показала во время обеденного перерыва. Ну то есть, ее обеденного перерыва, а не моего. Она-то работает в офисе.

— А ты разве не обедаешь?

— Обычно обедаю, а сегодня не успела, потому что увидела объявление и сразу побежала по указанному адресу — в отель «Кларидж». Там уже сидели шесть претенденток, и они мне не очень-то обрадовались, понятное дело. И я подумала: если тут с утра очередь, у меня шансов нет. Я заходила последняя, и миссис Окли сказала, что у нее уже голова кружится от собеседований. Передо мной была рыженькая девушка, и она, когда вышла в коридор, заявила громким шепотом, чтобы все слышали:

— Ад кромешный! Я не стала бы на нее работать даже за тысячу в год!

И ногой топнула. Потом усмехнулась и добавила:

— Впрочем, за тысячу, наверное, стала бы. Только вскоре перерезала бы ей горло. Ей, себе и всем, кто попадется под руку.

В голосе Джастина промелькнули нотки заинтересованности, ему не свойственные:

— Незнакомка посвящает тебя в убийственные замыслы прямо в коридоре... Интересно! И почему со мной такого не случается? Что же ты ответила?

— Я спросила: «Почему?»

— До чего логично!

— А она ответила: «Сами увидите. На такое соглашаются только на грани нищеты». А я сказала: «Как раз мой случай».

— Неужели?

— Ну практически, — неунывающим голосом ответила Доринда.

— Ты поэтому не обедаешь?

Она рассмеялась.

— Теперь уже не важно, потому что меня взяли! Когда я зашла, миссис Окли лежала на диване, шторы были почти полностью задернуты — оставлена только узкая щель. Полоска света падала на стул, куда полагалось сесть, чтобы тебя получше рассмотрели. Словно выходишь на сцену, только без грима и костюма...

— Продолжай!

— Поначалу я совсем ничего не видела, слышала только голос — весьма раздраженный. Потом глаза привыкли, и я ее рассмотрела: волосы густые, светлые, очень ухоженные, видно, она следит, чтобы не поседела. Лет около сорока. А ведет себя, как избалованная девочка — знаешь, бывают такие люди... Пеньюар божественно красивый, нежно-розовый, и золотистый пузырек нюхательной соли — как в кино!

— Кто она?

— Миссис Окли. Ее мужа зовут Мартин, он финансист. У них пятилетний сынишка и горы денег. Сын тоже Мартин, однако они называют его Марти — жуткое имечко для ребенка, правда?

— Правда. Продолжай!

Доринда продолжила:

— Сначала она лишь застонала и пожаловалась, что у нее от соискательниц голова разболелась. А я поинтересовалась — неужели ни одна не подошла. А она говорит: нет, у них голоса неприятные. Нужен голос, чтобы не нервировал, а последняя девица вообще — фурия. Я спросила, как ей мой голос. Ведь если он тоже неподходящий, какой смысл мне сидеть в луче света и отнимать у нее время. Она долго нюхала соли, а потом заявила, что я действую успокаивающе. Больше она на меня не смотрела, но будет платить три фунта в неделю!

Джастин не выразил должного восторга.

— А что за работа? Какие у тебя обязанности?

Доринда хихикнула.

— Должность называется «личный секретарь». Думаю, я буду делать все, чего миссис Окли, по причине своей хрупкости, делать не в состоянии: писать записки, отправлять цветы, отвечать на телефонные звонки. Про телефон она долго рассказывала. Ей звонят, а она порой не может слышать даже самых близких друзей, к тому же нужно сохранять силы к приходу Мартина. Также буду присматривать за Марти, если няня берет выходной, ну и всякое такое.

— И где ты будешь выполнять эти важные обязанности? В «Кларидже»?

— О нет, у нее в Суррейе «загородный дом», как она выразилась. Там будет она, Марти, няня, я и прислуга — а по выходным всегда приглашают гостей. Думаю, дом огромный... Называется Милл-хаус. Выезжаем завтра!

Джастин помолчал и заметил с плохо скрываемой неприязнью:

— Наверняка сырость, в подвале вода стоит, а ботинки за ночь покрываются плесенью.

Доринда покачала головой.

— Нет, миссис Окли ничего такого не говорила. Дом на вершине холма. Раньше там стояла мельница, но

разрушилась. Я тебе все подробно расскажу в письме. Ты понял, что я прямо завтра уезжаю?

— Да. Давай сегодня поужинаем вместе.

Доринда снова рассмеялась.

— Ну, не знаю...

— Это еще почему?

— Я собиралась поужинать с Типом при условии, что он возьмет с собой Баззера, и неизвестно, возьмет он его или нет...

— Все! Заеду в половине восьмого! — отрезал Джастин самым безапелляционным тоном.

Глава 2

Мартин Окли вышел из кабинета Грегори Порлока и закрыл за собой дверь. Некоторое время постоял, держась за ручку, словно размышлял — не вернуться ли. Он был высок, сухопар и бледен, с редующими волосами и подернутыми дымкой темными глазами. Постояв, решил и, хмурясь, направился вниз по ступеням, не дожидаясь лифта. Если бы его увидела Доринда Браун, она обязательно изумилась бы необычайному сходству с темненьким сердитым мальчиком, которого мельком увидела, выходя из покоев миссис Окли. Однако Доринды рядом не было, она как раз увлеченно разговаривала по телефону с Джастином Леем в будке клуба «Вереск». Таким образом, необычайное сходство осталось незамеченным.

В кабинете, откуда только что вышел Мартин Окли, сидел, приложив к уху телефонную трубку, Грегори Порлок — приятный во всех отношениях мужчина — и ждал, когда мистер Тоут на другом конце скажет: «Аллоу». Убранство кабинета было изысканным и продуманным до мелочей. Мистер Порлок называл свое агентство «ведущим», и любой вошедший в кабинет убеждался, что дела у мистера Порлока идут как нельзя

лучше. Обстановка свидетельствовала о наличии солидного счета в банке — от ковра на полу до картин на стенах. Интерьер был отнюдь не кричащий, однако говорил сам за себя. Богатство хозяина было явным, но не показным. Одежда мистера Порлока соответствовала интерьеру. Она была великолепна сама по себе, тем не менее не служила компенсацией недостатков фигуры, а скорее подчеркивала достоинства. Мистер Порлок был на редкость привлекательным мужчиной со здоровым цветом лица, пронзительными черными глазами и необыкновенно густой пепельно-седой шевелюрой. Лет ему было между сорока и пятьюдесятью, и, вероятно, за последние десять лет он прибавил несколько фунтов в талии, что, впрочем, его не портило, а придавало солидности.

В трубке шелкнуло, и мистер Тоут сказал:

— Алё!

Мистер Тоут не грешил дефектами речи, разве что в глубоком детстве. Однако всякий раз в трубку машинально говорил «Алё!», как, впрочем, многие.

Грегори Порлок любезно улыбнулся, хоть собеседник его и не видел, и произнес:

— Аллоу! Здравствуйте, Тоут! Как поживаете? Это Грегори Порлок.

В трубке затрещало.

— А как миссис Тоут? — продолжил Грегори. — Я бы хотел пригласить вас в гости на выходные. Нет-нет! Отказы не принимаются!

В трубке снова затрещало. Мистер Тоут сочинял отговорки:

— Я не знаю, смогу ли... Жена неважно себя чувствует...

— Мне очень жаль, дружище. Вероятно, перемена места пойдет ей на пользу, мой Грэндж-хаус, конечно, старинный, однако оснащен центральным отоплением, обещаю, что что не дам вашей жене замерзнуть! И